

ГОРОДСКАЯ МИСТИКА

НОЧНОЙ АУДИТОР

Инкассация. Книга вторая

Nik Agent

Ночной аудитор. Инкассация

«Автор»

2026

Agent N.

Ночной аудитор. Инкассация / N. Agent — «Автор», 2026

В Гельмарске сорок лет нет аудитора, семнадцать строк сняты по доверенностям, а очередь к Головной книге стоит с 1957 года. Времени в городе тоже нет — башенные часы с тех пор показывают шесть вечера. И будут показывать их до боя в Новогоднюю полночь, когда город сдаёт год. Если успеет сдать сам. Матвей Снегирёв, ночной аудитор Староволжска, приезжает принять вторую смену — и попадает в самую долгую сверку: семнадцать возвратов, ледовая проверка затопленного посада, шахматная партия против комиссии, которая хочет выставить город в ноль, и строка, которая шестьдесят три года ждёт одного имени. «Не принимайте смену до боя» — сказал Пётр Игнатьевич. Но комиссия уже приехала, часы завелись, и до боя — девять дней. Вторая книга цикла «Город, где смерть ведёт учёт». Тихая городская мистика о долге, очередях и людях, которые продолжают работать, когда вокруг гаснет свет. Читается и без первой книги — но пирожки на Заводской вкуснее, если вы видели Красносливскую, одиннадцать.

© Agent N., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Передача	8
Глава 2. Архив	10
Глава 3. Очередь	12
Глава 4. Семнадцать	14
Глава 5. Сверка по форме	16
Глава 6. Дом с резными наличниками	18
Глава 7. Первая очередь	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Nik Agent

Ночной аудитор. Инкассация

Ночной аудитор. Инкассация

Автор: nikagent

© nikagent, 2026

Все права защищены. Копирование, воспроизведение и распространение текста или его частей без письменного разрешения автора запрещены.

Все персонажи и события в этой книге вымышлены. Города Староволжск и Гельмарск не существуют, совпадения с реальными людьми, организациями и населёнными пунктами случайны.

Книга относится к городской мистике и содержит атмосферные сцены, связанные с темой смерти в символической подаче. Возрастная категория: 16+

Пролог

В Гельмарске строки не висят. Они стоят в очереди.

Эльга Степановна объясняла это каждому новому санитару, и каждый новый санитар кивал и не понимал, а потом однажды просыпался в ночи от того, что в коридоре больницы стоят — и больше не спрашивал. Стоять — это всё, что здесь делают строки. Стоят у регистратуры, стоят у рентгена, стоят у лестницы в подвал, где хранится старый учёт. Очередь в Гельмарске длинная. Шестьдесят восемь лет, если мерять по датам, и бесконечная, если мерять честно.

Эльга Степановна работала в архиве городской больницы шестьдесят лет. Принимала карточки, выдавала справки, подшивала дела и слышала. Не видела — слышала: у неё был слух на бумагу. Строка, которую другой увидел бы янтарной страницей над плечом, она слышала как бумажный шорох, у которого есть возраст. Молодые строки шуршали, как новенькая тетрадь. Старые — как обёрточная бумага, которую разворачивают сорок лет подряд.

В ту ночь, о которой пойдёт речь, шорох в подвале изменился.

Эльга Степановна спустилась в двадцать минут первого, с ключами, из которых половина была от запёртых дверей, а половина — от незапёртых, потому что в Гельмарске запирают не то, что дорого, а то, что боятся открыть. В подвале горела одна лампочка — как горела с тысяча девятьсот пятьдесят седьмого, потому что её проводка шла мимо общего счётчика, и никто за шестьдесят восемь лет не решился спросить, кто платит.

У стеллажа с картотекой, которой не было ни в одном каталоге, стоял человек.

Человек был в пальто не по погоде — декабрь в Гельмарске требовал овчины, а на госте было серое, городское, с идеально прямым плечом. Он не смотрел на картотеку. Он смотрел на наручные часы, снял их, положил на стеллаж и завёл — вращая головку медленно, по четыре деления, как заводят то, что собирается выдержать год.

— Вы кто? — спросила Эльга Степановна с верхней ступеньки.

— Комиссия по добровольному урегулированию незакрытых обязательств, — ответил человек, не оборачиваясь. Голос у него был ровный, как расписанное на месяцы расписание. — Работаю по городу. Не мешайте, пожалуйста: очередь большая, время идёт.

— Время не идёт в Гельмарске, — сказала Эльга Степановна. — Время у нас стоит на шести вечера.

Человек обернулся. Лицо у него было не то слишком симметричное, не то слишком ровно усталое — лицо из тех, что видят в конце коридора, когда долго сдаёшь анализы. Он взглянул на неё так, как бухгалтер смотрит на цифру, которая не бьётся, и записал что-то в маленькую книжечку — не глядя, по памяти.

— Верно, — сказал он. — Стоит с пятьдесят седьмого. Значит, весь год выплачивается сразу. — Он положил книжечку в карман. — До боя часов, гражданочка. Всё в ноль.

И прошёл сквозь неё — не задев, как проходит сквозняк, — и поднялся по лестнице, и дверь подвала закрылась за ним сама, тихо, как закрываются двери в больницах, где спят люди.

Эльга Степановна постояла, послушала. Очередь в подвале стояла — но впервые за шестьдесят лет она стояла неровно. Так стоит очередь, когда к окошку уже шёл человек, а окошко закрыли.

Она поднялась в архив, сняла трубку дискового телефона, набрала четыреста километров и сказала в трубку ровно, как диктуют справку:

— Аудитор? Говорят из Гельмарска. В декабре к нам приехала комиссия. Семнадцать снятых, очередь на боевом взводе, часы будут бить. Приезжайте до Нового года — и, ради всего, примите смену после боя. Не раньше. Аудитора, который принял смену до боя, в Гель-

марске уже брали. Было это в шестьдесят третьем. Человека потом вычеркнули из всех реестров, включая наши.

В трубке молчали — но не пустым молчанием: слушали так, как слушают люди, которые уже едут.

* * *

Глава 1. Передача

Староволжск Матвей Снегирёв оставил в среду, в десять утра, и делал это правильное, чем когда-либо делал в жизни, потому что передача смены — единственная проводка, которую аудитор делает при свете дня.

Лиза — Светлана Александровна из налоговой, помощница с семнадцатилетним списком тех, кто видит лишнее, — стояла у регистратуры с папкой и смотрела, как он раскладывает по ящикам то, что нельзя забыть. Пинцет для бумаги. Две тетради: первая, разбухшая, с надписью «Ведомость ночного аудита», и вторая, открытая в декабре. Кругу «Лучший в учёте» он отдельно попросил не трогать до возвращения — не из суеверия, а потому что кружка была единственной вещью в морге, которая ни на что не намекала.

— Правила знаю, — сказала Лиза. — Сначала сверка. Потом проводка. Ничего своего. Не брать плату. Свою не трогать. И пятое — учёт жив, пока есть кому передавать. — Она посмотрела на него поверх папки. — Вы же на неделю. Почему у меня ощущение, что провожаю на год?

— Потому что вы бухгалтер, — сказал Матвей. — Вы всегда чувствуете период раньше, чем он наступает. Староволжск ваш. Ночью — Толик, днём — звоните мне по чётным, три минуты. Гельмарск тоже в чётных, совпадение удобное.

— А если не справлюсь?

— Справитесь, — сказал Матвей. — Вы тридцать лет сверяете чужие декларации. Строки честнее деклараций: в них всё на лицевой стороне.

Толик, санитар, который различал строки на три процента и потому отступал от дальнего зала, как от сильного запаха, донёс до машины матвеев чемоданчик и сказал с непривычной для себя весомостью:

— Матвей Андреич. У нас тут, пока вас не было, ночью тишина какая-то... правильная. Как будто в очереди кто-то занял номер и ушёл. Это я к чему: возвращайтесь. Без вас тут не сверяется.

Матвей сказал, что вернётся, — и впервые за месяц не подумал, что врёт. Машина областного предприятия ждала у служебного входа: Лиза выхлопотала её для рейса в Гельмарск, потому что поезд шёл с одной пересадкой и четырьмя часами стоянки, а у Матвея было ощущение, что время он теперь считает не сутками, а сменами.

Перед выездом он сделал то, что делал перед каждой большой сверкой: достал тетрадь Петра Игнатьевича — Городскую книгу аудита, сорокалетнюю, разбухшую, переданную сменщику, — и раскрыл на странице сорок семь.

Последняя строка страницы гласила: «Учёт жив, пока есть кому передавать». В конце, мелко, на оттиске: «...передавать. И проверь, кто тебе это пишет. Я передал смену дважды».

«Проверь, кто тебе это пишет», — повторил Матвей и достал из папки письмо. Плотный, желтоватый конверт без марки, который неделю пролежал у него в ящике с описью, он вынул из конверта и поднёс к лицу. Бумага пахла больницей — не лекарствами, а именно больницей: грелками, каталочной резиной, старыми карточками. Подделка не пахла бы ничем, а это пахло правдой. Письмо было настоящее.

Настоящим был и адрес: Гельмарск, улица Заводская, дом с резными наличниками, где на площадке его уже месяц ждала тётя Вера. Настоящим был и срок: до Нового года. И самое настоящее — последняя строка письма, которую Матвей перечитывал чаще, чем первую: «Не принимайте смену до боя часов. Никогда. Ни в каком городе. Пиши, если понадобится: Э.»

Машина выехала на окружную в одиннадцать сорок. Староволжск в зеркале сложился вдвое — сначала морг, потом весь, — и Матвей поймал себя на том, что считает не километры, а строки: сколько сейчас стоит в дальнем зале, сколько пришло за ночь, сколько закрыла Лиза.

Он не знал. Впервые за год он не знал главного числа — и, как ни странно, это было похоже на сальдо: пусто, ровно и немного страшно, что больше нечего сверять.

Четыреста километров зимняя дорога шла четыре часа. За окном прошли два района, три поста ГИБДД и одна река под мостом — та самая, что в Староволжске держала на дне затопленный посад. Матвей смотрел на лёд, и тетрадь у кармана гудела — не тревожно, а как гудит трансформатор: работа на подходе.

В Гельмарск он въехал в шестнадцать пятьдесят — и на Соборной площади увидел часы.

Башенные, чёрные, с позолоченными цифрами, они показывали шесть вечера. Матвей посмотрел на свои — шесть вечера. Посмотрел снова: башенные шли — секундная стрелка ходила честно, минутная ползла, — но показывали по-прежнему шесть вечера. Он остановил машину посреди площади, вышел, постоял. Минутная стрелка на башне сделала шаг. Часы показали шесть вечера.

Из архива напротив, через дорогу, на него смотрела женщина в платке. Она не удивилась — в Гельмарске, как Матвей потом поймёт, к часам не удивляются, они тут как погода. Она просто показала рукой на башню и сказала — Матвей прочёл это по губам сквозь стекло:

«Всегда так».

В дальнем конце площади, у больницы, стоял человек в сером пальто с идеально прямым плечом. Он тоже смотрел на часы. Потом достал маленькую книжечку, записал что-то не глядя, по памяти, — и Матвей понял, что приехал вовремя, но не первым. В Гельмарске уже вели сверку. Просто не его рукой.

Глава 2. Архив

Архив городской больницы Гельмарска занимал полуподвал с отдельным входом, тремя печками-буржуйками и запахом, по которому Матвей сразу понял, где находится: здесь пахло правдой. Не мятой и не дезинфекцией — правдой: пылью, которая сорок лет оседала на бумагу, которая не врёт.

Эльга Степановна встретила его так, как встречают не гостя, а график: посмотрела на часы (ручные, тикающие честно), на лицо, на руки.

— Вы — тот, у кого своё закрыто, — сказала она вместо приветствия. — Это по рукам видно. У несверенных руки тянутся к карману. У вас — к папке. Заходите, чайник есть. И давайте сразу к делу, потому что очередь не ночует.

Она была сухая, быстрая, в очках на цепочке, и говорила справками: коротко, адресно, без лишних слов. Матвей сел за длинный стол, на котором между самоваром и картотечным ящиком лежал лист ватмана, исписанный столбиком. Эльга Степановна подвинула лист к нему.

— Семнадцать, — сказала она. — Всё, что вы просили в феврале по телефону. Сняты при жизни, по доверенностям, за последние восемь лет. Вот первые три: Ковалёва М. И., продавщица, сняла строку «не отдала подруге фартук с вышивкой» — подписала в семнадцатом году, умерла в двадцать первом, тело пришло в наш морг без страницы. Смирнов А. В., водитель, «не отвёз сына в армию, передумал в последний день» — снял в девятнадцатом. Гушин П. Л., сторож, «не закрыл на зиму родник» — снял в двадцатом, у него страница была не одна, он продал всю Ведомость целиком, со стеллажом. — Она постучала ногтем по листу. — Дальше — по одному. Все семнадцать я знаю на шорох.

— Кто снимал? — спросил Матвей, хотя ответ он вез с собой.

— Сначала местный человек, представитель конторы, — сказала Эльга Степановна. — Приезжали и раньше, из разных городов — контора работала с нами с две тысячи семнадцатого. Потом контора закрылась — я слышала, у вас это красиво вышло, — и я думала, снятым конец. Ан нет. В ноябре приехала комиссия. Комиссия, Снегирёв, это не контора. Контора — это лавочка. Комиссия — это программа. Лавочку можно закрыть. Программу — только перекрыть.

Она заваривала чай, и Матвей смотрел, как её руки работают с заваркой: без весов, без колебаний, ровно четыре ложки — руки человека, который сорок лет выдаёт точное количество.

— Расскажите про очередь, — попросил он. — У нас в Староволжске строки висят. Здесь, вы говорите, стоят.

— Здесь всё стоит в очереди, — сказала Эльга Степановна без улыбки. — За хлебом стояли всегда, за квартирой стояли двадцать лет, за операцией — записывались в марте на сентябрь. Город так жил — живёт по очереди, до сих пор в поликлинике талоны по старинке выдают. И Ведомость у нас соответствующая: не висит над человеком, потому что некогда висеть — надо занять. Строка встаёт и ждёт вызова. Кто-то сверит — двигается. Никто не сверит — стоит. Стоит годами, стоит после смерти. У нас в подвале, под этой самой плитой, очередь стоит с пятьдесят седьмого года — весь посад.

— Посад, — сказал Матвей. — Затопленный.

— Затопленный, — кивнула она. — У вас в Староволжске свой, у нас — свой. Гельмарский стоял на Хельме, ниже плотины. Когда заливали, людей вывезли за три дня, а очередь не вывезли: очередь, Снегирёв, не груз, её не вынесешь — она в людях. Люди уехали, очередь осталась стоять на прежнем месте. Под водой. И стоит. — Она поставила перед ним стакан. — Ваш Пётр Игнатьевич делал на этом льду сверку дважды. Больше — никто. Шестьдесят восемь лет никто.

Матвей отпил чая. Чай был крепкий, без единой иллюзии по поводу качества — и это, как ни смешно, его успокоило: значит, всё здесь по-настоящему.

— Эльга Степановна, — сказал он. — Письмо вы писали от Э. Каким правом? Вы же не аудитор.

Она сняла очки, протёрла их краем платка — точно так, как протирали Пётр Игнатьевич, и Матвей увидел это раньше, чем понял.

— Не аудитор, — согласилась она. — Хранитель. Шестьдесят лет держу Главную книгу Гельмарска — она у нас в больнице, потому что больница старше библиотеки, и всё старое в этом городе стоит у врачей. Пётр Игнатьевич, когда уезжал, оставил мне её на хранение и сказал: «Держи, Элика. Вести не смей — хранить смей. Ведущий сюда придёт». Я ждала ведущего шестьдесят лет. Не дождавшись, начала слать письма. — Она надела очки. — А про то, что я слышу, — так это не талант. Это профессиональное. Семьдесят лет рядом с очередью — у кого угодно шорох разовьётся.

* * *

Глава 3. Очередь

Вечером Эльга Степановна повела его в подвал — показывать Головную книгу Гельмарска.

Она лежала у дальней стены, на столе без скатерти, и была меньше и старше головной книги Староволжска: толстая, коричневая, с переплётом из того же меж кожи и коры. Первой страницы у неё тоже не было — не «не находили», а нельзя было открыть с начала, всегда выходило, что начало где-то за той страницей, которую раскрыл.

Матвей положил ладонь на раскрытый разворот и прочитал. Чернила были старые, коричневые, с водянистым наклоном — так писали руки, которые привыкли к сырости:

Город Гельмарск. Основан посадом на Хельме. Посад сдан в 1957 году: дома затоплены, люди вывезены, очередь сохранена. Время города зафиксировано: шесть вечера. Аудиторов: 0. Очередь: стоит. Примечание зрителя: не тревожить до боя часов.

— «Время города зафиксировано», — прочитал Матвей вслух. — Это как?

— А вот как, — сказала Эльга Степановна и повела его наверх, на Соборную площадь, было уже темно, фонари горели, и башенные часы на соборе показывали шесть вечера. — Смотрите. Часы идут. Секунды, минуты — всё честно. Но показывают всегда шесть вечера. Идут и показывают. Механик их разбирает раз в год, смазывает, собирает — показывают шесть вечера. В пятьдесят седьмом, когда посад сдавали, по этим часам объявили последнюю запись: время было шесть вечера. Город сдал день в шесть вечера — и время осталось там. Всё, что после, Гельмарск живёт напрокат, если хотите моё мнение. Часы не сломаны. Часы держат сдачу.

Она стояла у фонаря, маленькая, в платке, и Матвей смотрел на башню и думал, что за двенадцать лет аудиторства не видел документа, который идёт и не показывает. Даже Ведомость врал цветком, когда врал. А часы Гельмарска не врал и не показывали — они напоминали.

— Бой часов, — сказал он. — Что это за процедура?

— Раз в год, — сказала Эльга Степановна. — В полночь с тридцать первого на первое. Часы бьют шесть раз — шесть вечера, не двенадцать, никто в городе не удивляется, у нас и Новый год в шесть вечера по-настоящему наступает, только никто не признаётся. Шесть ударов — город сдаёт год. Всё, что не закрыто за год, переходит в очередь, всё, что закрыто, — в сальдо. Город переоткрывается. Это самая честная минута в Гельмарске, честнее у нас только морг, а он у нас один на всех и работает по графику часов.

— И что делает комиссия в эту минуту?

— То, чем заняты инкассаторы всегда, только масштабнее, — сказала Эльга Степановна, и голос её стал справкой-сиротой, без адреса. — В бой часов программа выставляет город в ноль. Не по строке, не по человеку — весь. Всё, что стоит, объявляется просроченным и принимается к погашению. Одним актом, с распечаткой. У нас это называется — кто выжил, тот помнит — «гельмарская инкассация». Пятьдесят седьмой год начинался так же, как этот: с человека в сером пальто у часов. — Она посмотрела на Матвея. — Вы ведь читали, что очередь с пятьдесят седьмого стоит? Так вот, очередь — это не дома под водой. Дома — строки. А очередь — это люди, которые до сих пор ждут, что их вызовут. И комиссия каждый год приходит посмотреть: сколько их осталось.

Матвей достал тетрадь и записал — потому что записывать было теперь так же естественно, как дышать:

Гельмарск. Время стоит на шесть вечера с 1957. Бой часов — полночь НГ: город сдаёт год, очередь переоткрывается. Комиссия («программа») выставляет город в ноль в момент боя. Пётр Игнатьевич знал. Пиши дальше: смена принимается только ПОСЛЕ боя.

На обратном пути к архиву на площади у больницы их догнал человек в сером пальто с идеально прямым плечом. Он шёл быстро, но беззвучно, и Матвей узнал походку раньше, чем увидел лицо: так ходят люди, которым некуда торопиться и не от чего отталкиваться.

— Господин аудитор, — сказал человек. Голос был ровный, как расписание, и Матвей узнал и его — из чужих рассказов, из страха Петра Игнатьевича, из стальных чернил. — Комиссия по добровольному урегулированию. Господин Час. Мы с вами не знакомы, но работаем с одной отчётностью. — Он не протянул руку. — Хорошо, что вы приехали. Городу нужен аудитор. Правда, вам нужно будет понять одну вещь: в Гельмарске отчётность не ваша. Она ничья, пока не прозвенит бой. Но об этом — по форме. Завтра, в архиве. Я приду сверяться.

Он не ждал ответа. Он положил на снег — на снег, не в руку, и это было унижительнее всего — плотную визитную карточку без имени, только номер счёта, и ушёл к башне, где часы, как всегда, показывали шесть вечера.

Эльга Степановна смотрела ему вслед, и Матвей увидел, как у неё под платком работают скулы — так, как работали у Петра Игнатьевича на берегу.

— Господин Час, — повторила она тихо. — Сорок два года я слышала очередь. А этот — слышит часы. Снегирёв, у нас в городе теперь две экспозиции. И обе — про время.

Глава 4. Семнадцать

Снятую страницу Матвей увидел впервые на следующее утро — и впервые за двенадцать лет не понял, что видит.

В морг Гельмарска — он был при больнице, на третьем этаже, и работал по часам на башне, то есть по шесть вечера всегда, — привезли женщину восьмидесяти двух лет из дома на Рабочей. Толстый санитар Витя, который дежурил здесь ночь, оформил приём, поставил дату. Матвей открыл Ведомость — и увидел след.

Над телом висел контур страницы. Не страница — контур: так держит воздух место, где годами висела картина, а её сняли и стену покрасили. Внутри контура не было ни янтаря, ни стали, ни пустоты. Было место, которое помнит форму.

— Снятая, — сказала Эльга Степановна, когда он приехал в архив. — Номер шестнадцатый. Вечером вчера подписал последнюю её родич — внучатый племянник, «представитель по доверенности». Я слышала, как подпись шла: бумага шуршала не своим шорохом. — Она раскрыла картотечный ящик и выложила перед Матвеем семнадцать карточек. — Вот они. Что имеем: при жизни человек подписывает у нотариуса доверенность на «урегулирование незакрытых обязательств». Строка снимается заранее, до смерти, как страховка. Человек думает, что платит за покой. Платит за ноль. После смерти страница не приходит в Ведомость — приходит только след. Морг оформляет тело без строки. Город не замечает. Никто не замечает, кроме меня.

— Почему никто не замечает? — спросил Матвей. — У нас в Староволжске восемьдесят три серебряных ходило — я замечал на улице.

— Потому что у нас всё в очереди, — сказала Эльга Степановна. — Снятая страница не исчезает из очереди — она теряет место. А место в очереди — это бумажка с номером. Номер у нас ставят в больнице, в регистратуре, на талоне. Снятая строка стоит без номера — а без номера в Гельмарске не видно никого. Смотрите.

Она выложила на стол фотографию: очередь в поликлинике, десяток людей, у каждого в руках талон. И поверх фото — Матвей сначала не понял, откуда снимок такой, — второй слой: над головой каждого стоял маленький светящийся номер, у кого-то три цифры, у кого-то пять.

— Это я не снимала, — сказала Эльга Степановна, поймав его взгляд. — Это я нарисовала. По слуху. У меня строка не имеет лица, Снегирёв, у меня она имеет голос. Так понятней будет: вот человеку номер пятьсот двенадцать — он в очереди с восемнадцатого года, его строка живая. А вот этому номер не положен — у него снято, и очередь его не держит. Он стоит, потому что привык. Он думает, что стоит с талоном. У него нет талона. Есть только привычка.

Матвей смотрел на безномерных — их на фотографии было трое из десяти — и вспоминал староволжскую механику: у Яра строка снималась — и человек ходил с ровным лицом, лишним и красивым. Здесь ровности не было. Здесь была усталость без причины — люди, которые стоят, потому что стояли.

— Механику возврата Пётр Игнатьевич оставил? — спросил он. — Или это я должен изобрести?

— Он оставил, — сказала Эльга Степановна и раскрыла Городскую книгу аудита на середине. Между сорок шестой и сорок восьмой страницей лежал вложенный лист — не в клетку, а в линейку, писчий, потемневший. — Сорок седьмая страница — про «дважды». А это — перед сорок седьмой, вложено было отдельно, я нашла только в две тысячи тринадцатом, когда переплет делала. Почерк его.

Матвей прочитал. Почерк Петра Игнатьевича — прямой, с нажимом, рабочий — сказал:

Снятая страница возвращается не рукой аудитора. Возврат делает живой, который был строке нужен, — той рукой, которой ждал. Право голоса есть: у родных по крови до третьего колена; у тех, кого строка ждала по имени; и у тех, чьё собственное ожидание закрыто. Вторым — особое право: они говорят от строки даже тогда, когда первых нет. Проверено дважды. П.

«Проверено дважды», — повторил Матвей про себя и отложил лист. Дважды у Петра Игнатьевича, кажется, вообще было любимое число: дважды сверка, дважды смена. Он спросил об этом Эльгу Степановну — она помолчала и сказала, что про «дважды» пусть сам читает, там всё написано, но не сейчас: сейчас надо работать, до боя часов — двадцать четыре дня, и семнадцать страниц сами себя не вернут.

* * *

Глава 5. Сверка по форме

Часовщик пришёл в архив на следующее утро, в десять, — и пришёл по форме: позвонил из холла по дисковому телефону, спросил, можно ли подняться, и ждал ответа. Дверь он закрыл за собой тихо и на стул сел только после того, как Эльга Степановна кивнула. У Яра, вспоминал Матвей, не было ни одного подобного жеста: Яр не спрашивал. Но Яр был лавочка. Этот был программа.

Он был лет пятидесяти на вид, в том же сером пальто с идеально прямым плечом, и держал на коленях портфель, который Матвей узнал бы из тысячи: тёмно-зелёный дерматин, сорок лет без трещины. Не наш поставщик, как сказал бы Матвей пять лет назад. Теперь он знал: не наш — верно. Не человеческий — тоже верно.

— Господин Снегирёв, — сказал Часовщик. — Госпожа хранитель. Работаем по одной территории, предлагаю начать с формы, чтобы не тратить друг друга. — Он открыл портфель и выложил на стол папку. — Комиссия по добровольному урегулированию незакрытых обязательств, территория — Гельмарск и район. Мандат есть, основании — волеизъявления граждан, оформленные до две тысячи двадцать первого года включительно. Семнадцать доверенностей. Всё законно, всё нотариально, всё по распискам. Я пришёл не спорить. Я пришёл предложить порядок.

— Порядок, — повторила Эльга Степановна.

— Порядок, — согласился Часовщик. — Первый пункт: до боя часов комиссия не работает. Мы тоже соблюдаем регламент, у нас, может быть, регламента больше, чем у вас, просто он наш. Второй пункт: в ночь боя комиссия исполняет накопленные волеизъявления. Семнадцать страниц будут сняты окончательно, очередь частично погашена, город получит ноль по разделу «просроченное». Третий пункт, и он главный: аудитор, приехавший из другого города, в эту ночь не работает. Не потому что запрещено. Потому что смена в Гельмарске не ваша. Смена передаётся гражданину этого города, по согласию, после боя. До боя принять её нельзя — кто принимает до боя, встаёт в очередь. В очередь, господин Снегирёв, вставали люди похлеще вас, и все они сейчас стоят под Хельмой. — Он закрыл папку. — Я не угрожаю. Я цитирую регламент.

Матвей слушал и считал. Не слова — считал то, что стоит за словами: мандат, доверенности, регламент. Инкассатор в Староволжске боялся сверок. Программа боялась времени: до боя она не работала, после боя город переоткрывался, и все подписи упирались в первый час нового года.

— Господин Час, — сказал он. — Один вопрос. Регламент комиссий — он где утверждён?

— В головной отчётности, — сказал Часовщик ровно.

— То есть в Головной книге, — сказал Матвей. — Которая не врёт. Хорошо. Тогда вопрос второй: в Головной книге Гельмарска написано «аудиторов: ноль». Почему ноль? Аудиторы — они же не по расписанию появляются. Они появляются, когда есть кому передать. Вам не кажется странным, что в городе, где очередь стоит шестьдесят восемь лет, аудитора нет? Мне кажется. Я проверял: передача смены требует двух сторон. Значит, была сторона, которая не приняла. Значит, в городе был человек, которому могли передать, — и не передали, или передали, и он не принял. Это ваша работа, господин Час, — пустые вакансии? Или ваша работа начинается там, где смена не принята?

Часовщик посмотрел на него внимательно — так, как смотрит бухгалтер на цифру, которая сошлась неожиданно. Впервые за разговор Матвей увидел у него в лице то, что было не симметрией: короткое движение вокруг глаз, как будто где-то внутри стукнули часы.

— Вакансия — это не наша работа, — сказал он. — Вакансия — это наша еда. Но вы, господин Снегирёв, правильно работаете с формой. Форма у вас хорошая. Жаль, что содержимое слабое: семнадцать доверенностей против регламента — не аргумент. Аргументом будет бой часов. Приходите слушать. Все приходят слушать. — Он встал, взял папку, задержался на полсекунды у картотечного ящика с семнадцатью карточками — Матвей видел, как задержался, — и добавил без перехода: — Кстати. Пётр Игнатьевич, когда начинал здесь, был ровно ваш возраст. И ровно так же считал вслух. Из него ничего не вышло. Из вас, подозреваю, тоже. С уважением, комиссия.

Дверь закрылась за ним сама — тихо, как закрываются двери в больницах.

Эльга Степановна долго молчала. Потом сказала:

— Он врал про регламент, Снегирёв. Не целиком — он вообще не врёт целиком, это его профессиональная болезнь: врать по регламенту. Регламент у них есть, до боя они правда не трогают. Но пункт про смену — это не регламент. Это страх. Он боится, что вы примете смену до боя. Потому что смена, принятая до боя, — это проводка, которую нельзя отозвать. Город с аудитором внутри комиссия в ноль не выставит: им придётся выставлять аудитор. А аудитор, господин хороший, сдаётся только с боем. — Она надела очки. — И второе. Он соврал про Петра Игнатьевича. Пётр Игнатьевич из Гельмарска не «не вышел». Пётр Игнатьевич из Гельмарска уехал с закрытой очередью. Единственный человек за шестьдесят восемь лет, который вывел наш посад в сальдо. Потом вернулся через сорок лет — один раз, на неделю, и снова уехал. А кто сказал вам, что он уехал? Комиссия. Считайте дальше сами, я пойду разливать чай, у меня руки от карточек мёрзнут.

Глава 6. Дом с резными наличниками

Тётя Вера открыла дверь на первый стук, посмотрела на Матвея поверх очков и сказала: — Ну наконец-то. Я тебе с ноября пироги замораживаю, думала, ты в мае приедешь. Заходи, руки мой, чайник давно на плите. И чемодан не ставь на ковёр, поставь на скамейку, ковёр у меня с пятьдесят седьмого года, он тебе не доверяет.

Она была восемьдесят два и жила одна уже семь лет, и дом её на Заводской пах так, как пахнет только дом, где пахло всегда: вишней у крыльца, обёрточной бумагой и пирогами, которые пекли потому, что пекли всегда. Вечером за чаем Матвей впервые за весь год ничего не сверял — просто сидел, ел пирог с картошкой и рассказывал. Не всё. Про строку отца — в прошлый приезд, всё было уже сказано. Про тетрадь Петра Игнатьевича — осторожно, потому что тётя Вера знала Петю Сорокина мальчишкой с той же улицы и имела на него виды, не подпадающие под аудиторскую тайну.

— Петя Сорокин, — сказала тётя Вера, и голос у неё стал такой, каким бывает голос у человека, который пятьдесят лет ждал случая сказать. — Он у нас тут в сорок восьмом начинал, при больнице. Молодой, худой, носил карточки в картонной папке с завязками. Его все любили, и очередь его любила — он один умел стоять в очереди так, что очередь не обижалась. А в пятьдесят седьмом всё случилось с посадом, и он... — она вздохнула. — Он уехал. В шестьдесят пятом, после истории с тем молодым аудитором, про которого вы знаете. Никому не сказал зачем, ему тут место хорошее давали, при больнице квартиру. Уехал и всё. Потом приезжал — один раз, неделю побыл — вот как раз когда ты свою строку закрывал, он к нам приезжал, я его видела. И снова уехал.

— Вы знали, что он аудитор? — спросил Матвей.

— Я знала, что он с бумагой разговаривает, — сказала тётя Вера просто. — В Гельмарске все знали. У нас тут не в этом дело было. Дело было в том, что он один умел очередь двигать. А очередь, Матвей, у нас — это люди. Двинешь очередь — двинутся люди, а люди тут все как есть родственники, включая и не родственников. Вот и весь секрет Гельмарска. У нас всё в очереди и все в родстве. Ешь пирог.

На следующее утро Матвей пошёл к Ярцевым — на ту же Заводскую, двести метров, дом полукруглого плана, который здесь называли кружком. Дверь открыла Наталья Аркадьевна, семьдесят два года, с той же палкой с медной набалдашницей, и крикнула в глубину:

— Коля! Аудитор приехал! Иди, у тебя дело!

Коля Ярцев вышел в прихожую, прижимая к груди шахматную доску, и они секунду стояли друг напротив друга: человек, который сорок лет строил город, где никто ничего не ждёт, и человек, который его туда привёл. Потом Коля Ярцев сказал:

— Я тут подумал за лето. Вы же меня выкупили. Из конторы, я имею в виду. Всю жизнь вожу эту доску, отдаю её в руки не тому, кому надо. А вам отвёз — и оказалось, кому надо. — Он переложил доску под мышку. — Проходите, у нас пироги. У Наташи вообще пирог в этом доме признак разговора.

* * *

Разговор шёл два часа, и большую часть его говорил Коля Ярцев — впервые за все встречи в Староволжске, где он молчал или говорил по форме. Про то, как он полгода учился не быть должностью: просыпался без портфеля и не знал, куда руки. Про то, что Наташа заставляла его чистить картошку — «чтобы руки помнили не карты». Про то, что в августе он впервые за пятьдесят семь лет сыграл партию — с семиклассником со двора, и проиграл, и неделю был счастлив, потому что проигрыш, сказал он, это единственный результат, который нельзя подделать, у него запах есть.

— А потом в ноябре приехали они, — сказал Коля Ярцев и лицо у него стало ровным, старым, конторским — на одну секунду, и Матвей увидел, как глубоко сидит контора, если её не выцарапывать. — Комиссия. Вежливые, с папками. Ко мне не подходили, не надо — я им не нужен, у меня строки нет, я выкупленный. Они к городу подходили. Раздают — представляете? — раздают подписи. «Добровольное урегулирование». Люди у нас тут, Снегирёв, очередь выстояли, им только скажи, что отстояли. Подписали семнадцать человек за два года — ещё до закрытия конторы. А с ноября — ещё восемь. Восемь, Снегирёв. За месяц. — Он ударил ладонью по доске, не сильно, по верхней крышке. — Я им сказал одно. Что в этом городе есть ещё один игрок, который умеет ждать. Пусть приходят. Я пятьдесят семь лет ждал, что мне позволят играть. Теперь я играю на отмашку.

Наталья Аркадьевна смотрела на брата и молчала, но палку свою держала не перед собой, а рядом — как держат оружие, которое, может, и не понадобится.

— Коля, — сказал Матвей тихо. — Слушайте меня внимательно, потому что это правило, не жест. Семнадцать снятых страниц — это семнадцать возвращений. Возвращения делаются не партией. Их делают живые, которые были строке нужны. Ваша партия — это не про возврат. Ваша партия — про то, чтобы комиссия не успела. Вы её задержите. Держать — это ваша работа, у вас для этого теперь всё есть: время, характер и пятьдесят семь лет практики ожидания. А возврат — моя. Вы окапываетесь, я сверяю. Так это работает.

Коля Ярцев молчал долго. Потом кивнул — и по тому, как он кивнул, Матвей понял, что ученик Петра Игнатьевича, второй по счёту, только что принял свою первую правильную проводку за пятьдесят семь лет.

— Окапываться я умею, — сказал он. — Я в обороне шахматной говорил: «Мат королю — это следствие. Причина — незакрытая горизонталь». Давайте вашу горизонталь, аудитор. Я её подержу.

* * *

Глава 7. Первая очередь

Первую гельмарскую строку Матвей закрыл на третью ночь — и понял, что Гельмарск будет труднее Староволжска не потому, что строки здесь другие, а потому, что они стоят.

Строка принадлежала мужчине семьдесят девяти лет, поступившему в терапию с сердцем и с шорохом, который Эльга Степановна слышала даже через три этажа: старым, обёрточным, терпеливым. В Ведомости над ним стояли две строки. Матвей прочёл и присвистнул — впервые за год ему захотелось свистнуть:

Не встал в очередь за квартирой в шестьдесят втором. Ожидает 64 года. Ожидает: очередь. / Не позвал сына на день рождения в семьдесят девятом, потому что «я с очередями, приеду потом». Ожидает 47 лет. Ожидает: сын.

— Это же не долг, — сказал он Эльге Степановне по телефону. — Это письмо в никуда. Как такое закрывать?

— А никак, — сказала Эльга Степановна. — Оно само закроется, когда очередь подвинется. Понимаете, в чём механика? Ваша староволжская строка — это одна страница над одним человеком. Наша очередь — это одна страница на всех. Человек, который не встал в очередь за квартирой в шестьдесят втором, ждёт не квартиру. Он ждёт, что очередь когда-нибудь до него дойдёт. Он в очереди — в той, что под Хельмой. Все посадские там стоят. Первую строку вы закроете, когда двинется посад. Иначе — никак. А вторую, с сыном, — вот её можно сейчас. Адрес есть?

Адрес был: сын жил в Гельмарске, в трёх остановках, работал на заводе низковольтной аппаратуры и, по словам соседки, «отец его слышал в последний раз в двухтысячном». Матвей поехал утром, в семь сорок, потому что отец просыпался в шесть и в семь слушал радио. Сын открыл дверь в спецовке, выслушал человека с папкой из морга — и то, что случилось потом, Матвей не сможет пересказать иначе, как формулой:

— Отец ждал не звонка, — сказал сын, когда чай остыл. — Я это всегда знал. Он ждал, что я приеду сам. Он же всю жизнь в очередях стоял — за квартирой, за плитой, за гробом для матери. Он думал, что и я к нему должен очередь занять. А я... я думал, что он передумает сам. Два старика, два упрямства, и оба ждали другой очереди. — Он положил ладонь на стол. — Скажите ему. Вы же там... бываете. Скажите: я приехал. Один, без очереди. Пусть эта очередь его больше не держит.

Строка погасла в ту же ночь — тепло, как гаснут вещи, — и Матвей записал в тетрадь:

Гельмарск, закрытие 1. Не позвал сына. Ожидает 47 лет. Проводка: сын приехал сам, без очереди. Примечание: здесь много строк ждут не дела, а выхода из очереди. Вопрос к посадку — где вход.

К концу недели он закрыл четыре строки. Четыре — это было мало: в Староволжске он закрывал сорок за ночь. Но Эльга Степановна, выслушав отчёт, неожиданно для него обрадовалась.

— Четыре — это много, — сказала она. — Четыре — это очередь зашевелилась. У нас, Снегирёв, шестьдесят восемь лет очередь не двигалась. Она к любому движению относится как старуха к лифту: сначала боится, потом привыкает, потом не может без него. Дайте ей неделю. А на неделе придёт Часовщик со своей формой и увидит, что очередь на месте, но живая. А живую очередь, Снегирёв, в ноль не выставишь. В ноль выставляют пустую.

Матвей не сказал ей, что в тот же вечер слышал в подвале, спускаясь к Головной книге, новый шорох. Очередь стояла на месте — но в глубине, там, где стены сходились углом к старой печной кладке, стояло что-то ещё. Он не стал называть это строкой. Он записал в тетради:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.